

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Миронюк С.А. Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.72941 EDN: ITSHRQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72941

Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г.

Миронюк Сергей Алексеевич

ORCID: 0000-0002-6874-7595

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра истории Института экономики и управления АПК; Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева

127550, Россия, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

✉ privetsergey95@mail.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.72941

EDN:

ITSHRQ

Дата направления статьи в редакцию:

04-01-2025

Дата публикации:

13-02-2025

Аннотация: В настоящей статье анализируется меморандум «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. как фактор политики интервенции Великобритании в России в ноябре – декабре 1918 г. Его автором был начальник Имперского Генерального штаба, генерал Генри Вильсон – одна из влиятельных фигур в высшем руководстве Соединенного Королевства. В меморандуме содержалась его точка зрения на прошлое, настоящее и будущее британской политики интервенции в России. Этот документ ввиду его значимости и информативности является объектом

исследования, предметом — его содержание как фактора британского вмешательства во внутрироссийские дела в ноябре – декабре 1918 г. Автор статьи ставит целью раскрыть влияние меморандума главы Имперского Генерального штаба на политику интервенции Великобритании в России в этот период. В работе применялись ретроспективный, системный и нарративный методы. Благодаря им показан процесс развития британской политики в ноябре – декабре 1918 г.; представлена взаимосвязь между содержанием документа и военно-политической обстановкой, а также их взаимовлияние; достаточно подробно отражены содержание и характер меморандума, акцентируясь на важнейшие для темы работы аспекты. Привлечение этого документа к исследованию британской политики интервенции позволяет его расширить и углубить, поскольку демонстрирует сложный процесс формирования этой политики в деталях, что придает работе научную новизну. Основным выводом проведенного исследования является то, что главными проблемами Великобритании относительно вмешательства во внутренние российские дела после Компьенского перемирия являлись предотвращение потенциального влияния Германии в России и сдерживание большевизма. Г. Вильсон предложил в качестве модернизированной формы британской политики интервенции оказать помощь новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам для решения этих двух проблем. Содержание меморандума главы Имперского Генерального штаба сильно повлияло на решение Военного Кабинета Соединенного Королевства продолжить и усилить политику интервенции в ноябре – декабре 1918 г.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Компьенское перемирие, Гражданская война, Интервенция, Большевизм, Великобритания, Военный Кабинет, Имперский Генеральный штаб, Г. Вильсон, Д. Ллойд Джордж

Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 – декабрь 1919) — важное исследовательское направление в историографии Гражданской войны в России. Она интересна с точки зрения ее влияния на возникновение, развитие и завершение внутрироссийского противостояния и динамику взаимоотношений России с ведущими государствами Европы, Азии и Америки. Это влияние было обусловлено статусом Великобритании как одной из лидирующих стран того времени. Ее могущество было основано на торгово-промышленном лидерстве, опиравшимся на колониальный характер экономики, сильном военно-морском флоте и политике баланса сил в Европе. Ввиду этого у нее были разносторонние глобальные интересы в мире и возможности их продвигать.

Британское вмешательство во внутренние дела России, переживавшей особый, переломный и значимый исторический этап — Гражданскую войну, стало предметом научных дискуссий среди отечественных и зарубежных историков. В историографии существуют разные оценки степени влияния политики британской интервенции на ход этой войны, а также ее мотивации и целеполагания.

По мнению советских историков Е. Е. Якушкина, И. И. Минца, Г. Е. Мымрина, О. Ф. Соловьева, С. Г. Лившица, Ф. Д. Волкова и М. И. Светачева, политика британской интервенции заключалась в уничтожении пролетарского государства, восстановлении капитализма в России, установлении контроля над российской территорией, расчленении страны [\[1-7\]](#). Ее влияние на Гражданскую войну считалось очень значительным ввиду

оказания существенной помощи Белому движению как противнику Советской России.

В постсоветской, российской историографии проблема британской политики интервенции затрагивалась в контексте других, более широких исследовательских направлений [\[8-11\]](#). Такие исследователи, как В. П. Федюк, Р. Г. Гагкуев и В. И. Голдин, интересовались некоторыми темами, связанными с этой политикой, в частности роль британских военных в развитии антибольшевистского движения в Сибири, на Юге и Севере России [\[12-15\]](#). В целом с точки зрения российской историографии эта политика вмешательства в основном была направлена на недопущение усиления влияния Германии в России, особенно после Брест-Литовского мирного договора, а также на реализацию возможностей закрепления и укрепления позиций Великобритании на территории бывшей Российской империи. Масштабы и направления вмешательства определялись главным образом динамикой Первой мировой войны и результатами боевых действий между РККА и Белыми армиями. В конечном итоге британская политика интервенции была заметным, но не определяющим фактором этого противостояния.

Относительно зарубежной историографии историки У. и З. Коутс, Дж. Уайт, Р. Ульман, Дж. Бредли, Р. Джексон, К. Кибл, М. Хадсон и Я. Моффат рассматривали в большей степени проблему британской политики интервенции в рамках крупных исследовательских тем [\[16-24\]](#). Многие из них понимали интервенцию как вынужденную превентивную военную меру против Германии. Ее цель заключалась в том, чтобы воспрепятствовать возможности противника извлекать выгоды от использования им территории бывшей Российской империи для достижения победы в Первой мировой войне и закрепления господствующего положения на этой территории. Такая политика малозначительно повлияла на развитие Гражданской войны в России из-за недостатка воинских сил и ограниченности возможностей оказания помощи антибольшевистским силам. Главным образом российская фронтовая динамика определяла ход Гражданской войны. В зависимости от нее менялись приоритеты, направления и объемы британской помощи противникам РСФСР.

В настоящее время британская политика интервенции остается значимой научной темой для историографии Гражданской войны в России. Ее исследование требует активной работы по введению в научный оборот официальных документов того времени, включая документы Военного Кабинета Великобритании, поскольку в них отражены процессы, влиявшие на появление идеи, подготовку, реализацию и завершение политики вмешательства с ноября 1917 г. по декабрь 1922 г. Наибольший интерес представляют те документы, которые были написаны и подготовлены высокопоставленными официальными лицами во время либо после важных событий, влиявших на политику интервенции. К ним относятся документы Имперского Генерального штаба, которые оказывали весомое влияние на формирование, развитие и завершение этой политики.

В годы британского вмешательства начальниками этого учреждения были генералы Уильям Робертсон (декабрь 1915 – февраль 1918) и Генри Вильсон (февраль 1918 – февраль 1922). Г. Вильсон получил известность ввиду его профессионального опыта, высокого авторитета и участия в подготовке и осуществлении интервенции в России. Отличительными чертами его как высокопоставленного военного были широкая эрудиция, способность мыслить глобально, внимательный анализ и нестандартные суждения. Эти черты проявились в подготовленных им документах для Военного Кабинета Британии.

Среди документов Имперского Генерального штаба того времени важное значение имеет

меморандум «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. [25]. Этот документ представляет интерес ввиду содержавшегося в нем анализа и аргументированных практических предложений по решению проблем дальнейшего осуществления политики вмешательства Соединенного Королевства в России.

Объектом исследования в настоящей работе является меморандум главы Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г., предметом — его содержание как фактора британского вмешательства во внутрироссийские дела в ноябре – декабре 1918 г.

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии влияния меморандума Г. Вильсона на британскую политику интервенции в России в этот период, задача — подробно рассмотреть содержание данного документа. Привлечение этого документа к исследованию британской политики интервенции позволяет его расширить и углубить, поскольку демонстрирует сложный процесс формирования этой политики в деталях различными ведомствами, что с этой точки зрения придает работе научную новизну. С учетом того, что в отечественной историографии содержание этого исторического источника не было полностью описано и исследовано, научная значимость работы будет представлена в виде ценной информации, содержащейся в меморандуме Г. Вильсона.

Основными используемыми исследовательскими методами являются ретроспективный, системный и нарративный. Первый метод позволил показать британскую политику интервенции в процессе ее развития в ноябре – декабре 1918 г. С помощью второго представлена взаимосвязь между содержанием документа и военно-политической обстановкой в ноябре – декабре 1918 г., а также их взаимовлияние. Поскольку меморандум Г. Вильсона ранее не был полностью описан в отечественной историографии, в работе достаточно подробно отражены его содержание и характер. При этом акцент сделан на те его части, которые наиболее значимы для исследования британской политики интервенции.

До появления документа Г. Вильсона британская политика интервенции развилась в целом последовательно и динамично. С июля – августа 1918 г. значительный контингент воинских сил Британии вошел в пределы Севера России при активном военно-политическом сотрудничестве с США, а также на территорию Сибири и Дальнего Востока — с Японией и США. Одновременно британцы в августе 1918 г. успешно вторглись в Туркестан и предприняли попытку закрепиться на Кавказе через взятие Баку, которая закончилась неудачей в сентябре 1918 г. Поводом для вмешательства была помощь восставшему Чехословацкому корпусу на Урале, Дальнем Востоке и в Сибири, основными причинами — воссоздание тем или иным способом Восточного фронта, чтобы Германия приостановила переброску войск с ликвидированного Восточного фронта на Западный, где шло германское наступление, а также предотвращение попадания России в немецкую сферу влияния. Британская политика интервенции включала, кроме введения ограниченного воинского контингента, активную помощь антисоветским силам как сторонникам продолжения войны с Германией. Именно продолжение военного противостояния с немцами вынудило британское население согласиться на политику вмешательства в России.

Однако положение дел начинало кардинально меняться в связи с подписанием Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. С этого события Первая мировая война завершилась. Такая обстановка вынуждала Военный Кабинет срочно пересмотреть и принять важные решения по британской политике интервенции в России: либо продолжать ее в текущем виде, либо модернизировать с учетом новых, поствоенных

реалий, либо прекратить. В этой связи Имперский Генеральный штаб представил меморандум его главы Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г.

Документ начинался с перечисления трех целей принятия правительством Великобритании политики интервенции: помешать Германии получать помощь из России и Сибири в виде рабочей силы и припасов; удерживать на русском фронте людские и материальные ресурсы противника, чтобы они не были использованы на других фронтах; предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны. Как отметил Г. Вильсон, «Две первые цели исчезли с подписанием перемирия. Осталась только третья, которую, однако, можно охарактеризовать почти как "война после войны"» [\[25, p. 22; 26, c. 84\]](#). Вмешательство Великобритании не имело точных географических военных целей, но в значительной степени результаты были достигнуты. Об этом свидетельствовали: поощрение чехов удерживать линию фронта, чтобы лишить врага огромных ресурсов Западной Сибири, и пассивного сопротивления немцам по всей России и Украине, в результате которого припасы часто сжигались, а не доставлялись врагу, а также удержание в значительной степени воинских сил противника в России, то есть удалось избежать их отправки на другие театры военных действий, что было критически важно для Антанты. Например, в сентябре 1918 г. в России находилось 34 немецких пехотных дивизий, тогда как в апреле 1918 г. их было 36. В этой связи Г. Вильсон сделал вывод об оправданности решения британского и союзных правительств вмешаться во внутренние российские дела.

По его мнению, теперь в условиях Компьенского перемирия при рассмотрении любых действий в России необходимо иметь в виду возможную ограниченность времени, а также то, что любое инициированное действие может быть не исполнено, если оно не будет продолжено после подписания мирных условий. В этой связи Г. Вильсон считал: «Поэтому мы должны быть осторожны и не начинать ничего такого, чего мы не готовы продолжать после объявления мира» [\[25, p. 22\]](#).

Далее в меморандуме приводились аргументы сторонников продолжения интервенции: большевизм являлся опасностью для всего мира, включая Центральные державы, и поэтому его нужно подавить; если британцы этого не сделают, со временем немцы расправятся с большевизмом и приобретут доминирующее влияние в России; на милость большевиков не следовало бросать тех, кто помогал британцам, и «без дальнейшей интервенции мы, возможно, не сможем вывести определенную часть наших войск» [\[25, p. 22; 26, c. 84\]](#).

С точки зрения Г. Вильсона, большевизм являлся культом, если не религией. В этой связи в одном случае он не смог бы надолго пережить восстановление нормальных условий в остальном мире, в другом, более благоприятном для него — он постепенно будет превращаться «в более высокоразвитый организм», и постоянно подавлять его военными методами представлялось неправильным.

Второй аргумент Г. Вильсон считал верным в части реальной цели британской политики вмешательства. Успешная борьба Германии с большевизмом привела бы к практическому поглощению пограничных государств, которые немцы создавали и укрепляли во время Первой мировой войны. Однако такое поглощение «продолжалось бы только до тех пор, пока Россия не стала бы достаточно сильной, чтобы оспорить его, и в этом случае эти государства стали бы "российской ирредентой"» [\[25, p. 22\]](#).

Британским принципам противоречило «бросать наших друзей», но нужно приложить усилия, чтобы они были способны к самозащите. Если большевики окажутся лучшими в своем деле, то британцы не смогут бесконечно защищать других. Что касается вывода войск Великобритании, то некоторые трудности могли бы возникнуть в Архангельске, но Г. Вильсон не сомневался в помощи большевиков при их выводе по суше, если бы это было желательно, пока Архангельск был скован льдом.

Если будет решено продолжить вмешательство или даже сделать его более эффективным, то будут два основных альтернативных варианта. Первый заключался в создании вокруг большевистской России кольца государств для предотвращения распространения большевизма; лишении его поставок и возможностей экспансии, чтобы таким образом привести к абсолютному истощению большевизма. «Это повлечет за собой в данном случае голод для большого числа людей и потребует оккупации союзными войсками пограничных государств на неопределенный срок до тех пор, пока не исчезнет большевистская Россия и не укрепитя со всей очевидностью Россия небольшевистская», — отметил Г. Вильсон [\[25, p. 22; 26, c. 84\]](#).

Им было акцентировано внимание на обоснованной вероятности последствий вывода немецких войск с Западного фронта большевиков. В этом случае некоторые пограничные государства попали бы под большевистский контроль, — и немцы вернулись бы туда обратно, если их место тем временем не займут союзные войска. Что касается образования группы государств и размещения в них гарнизонов, то «период оккупации при такой схеме был бы неизвестной продолжительности. С чисто военной точки зрения такой план не оправдан, поскольку он предполагает пассивное сопротивление и полную передачу инициативы большевикам» [\[25, p. 22\]](#). В таком случае произошло бы рассредоточение сил небольшими группами по огромной территории, ни одна из которых не являлась бы достаточно сильной, чтобы что-либо предпринимать, а большевики исходя из центрального положения могут сконцентрироваться против любого. Тогда каждая группа стала бы источником беспокойства. Г. Вильсон заключил, что в конечном счете такая политика может повлечь за собой более масштабные операции «в то время, когда мы, возможно, будем менее готовы к их проведению, чем в настоящее время» [\[25, p. 22\]](#).

Второй вариант состоял в принятии активных военных мер для окончательного сокрушения большевизма в кратчайшие сроки. Он был более быстрым и надежным планом сдерживания возможной экспансии Германии, «поскольку приграничные государства снова попали бы в орбиту объединенной России, единственной державы, которая может постоянно сдерживать экспансию Германии на восток; но на пути таких действий стоят большие трудности» [\[25, p. 22\]](#).

Вместе с тем был еще один вариант выбора: заставить Германию передать оружие и снаряжение пограничным странам, репатриировать войска, которыми могут располагать дружественные Британии страны, и в целом оказать им такую поддержку, которая практически возможна при нехватке войск, а затем позволить им делать все, что в их силах.

Эти три варианта выбора были подробно проанализированы Имперским Генеральным штабом. Если взять курс на оккупацию кольца пограничных государств, у Британии должен быть определенный план по предоставлению необходимых гарнизонов после подписания мира и их усилению по мере необходимости. Вместе с тем возникали проблемы по реализации этого курса. Британская армия комплектовалась в основном по

принципу «на время войны». Это обстоятельство не могло бы стать основанием для бессрочной кампании в Восточной Европе и Азии против врага, к которому у общественности Соединенного Королевства не было особых претензий. Для такой цели сохранение нынешней системы набора рекрутов не вызвало бы одобрение в Британии. «Очень сомнительно, что французы и американцы находятся в лучшем положении с точки зрения войск, и представляется маловероятным, что последняя страна была бы готова оказать нам помощь; хотя, если бы это было так, проблема была бы значительно упрощена», — отметил Г. Вильсон [\[25, p. 23\]](#).

Принятие энергичных, военных мер против большевиков имело явные преимущества при условии достаточных сил и направления удара против крупных городов как центров большевизма. В этом случае британские силы из Архангельска были бы выведены, обязательства в Закаспийском регионе, Сибири и на Кольском полуострове были бы выполнены. По мнению Г. Вильсона, «этот план представляет собой единственный надежный метод нанесения смертельного удара по большевизму в течение определенного времени» [\[25, p. 23\]](#). Но есть проблемы по осуществлению и этого плана. В первую очередь, следовало иметь поддержку британской общественности. Также большие затруднения представляли климат и обширная территория России, особенно в зимних условиях. «Ввиду этих трудностей мы не могли рассчитывать на завершение кампании до лета 1919 г. и, следовательно, могли столкнуться с трудностями содержания армии, сражающейся в России после объявления мира», — заключил начальник Имперского Генерального штаба [\[25, p. 23\]](#).

Следовательно, остался третий вариант действий — «сделать все, что в наших силах с материальной точки зрения, чтобы дать нашим друзьям достойное начало, а затем уйти» [\[25, p. 23\]](#). Г. Вильсон предложил принять следующие меры на Западном, Северном и Восточном фронтах в России, а также на Кавказе и в Закаспийском регионе.

На Западный фронт должен был быть отправлен из Франции состоящий из 30 тыс. корпус Ю. Галлера в Польшу, которая «будет самым важным государством и единственным, которое, вероятно, сможет без посторонней помощи выступить против большевизма» [\[25, p. 23\]](#). Также следовало произвести изменения в армии Ю. Довбор-Мусницкого численностью 70 тыс. Все эти воинские силы должны были быть снабжены в достаточном количестве оружием и боеприпасами либо со стороны немцев, либо со стороны союзников. Наряду с этим формируемые польские контингенты должны были репатриированы. Украина после вывода немецких войск стала бы объектом внимания большевиков. Г. Вильсон предложил: «Наша политика должна заключаться в поддержке стабильных элементов деньгами, запасами и боеприпасами, как только будет открыто Черное море, в то время как Румыния должна оккупировать Бессарабию и таким образом создать барьер на западе» [\[25, p. 23\]](#). Относительно Литвы, Латвии и Эстонии требовалось ограничиться поставками оружия и оказанием моральной поддержки национальным правительствам.

В отношении Северного фронта цель Британии состояла в урегулировании карело-финских отношений, чтобы Карелия больше не зависела от штыков британских войск вдоль Мурманской железной дороги, хотя пока невозможно сказать о возможности их вывода оттуда. Требовалось удержать Архангельск зимой, но никоим образом не брать новых обязательств. Также предпринять усилия, чтобы дать возможность русским выстоять самостоятельно в случае принятия решения о выводе британских войск весной.

На Восточном фронте в условиях перемирия с Германией представлялась маловероятной

готовность чехов продолжить воевать, а в случае заключения мира она была бы еще меньше. Ввиду успешной мобилизации в Сибири российским правительством в Омске «в сотрудничестве с французами мы должны оказать всю возможную материальную помощь в формировании и обучении русских армий в Сибири. Чем скорее эти армии смогут без посторонней помощи удержать Сибирь и Восточный фронт от большевиков, тем скорее мы освободимся от наших обязательств в этом регионе» [\[25, p. 23\]](#). Также следовало бы, по мнению начальника Имперского Генштаба, рассмотреть вопрос о признании омского правительства, чтобы укрепить его позиции в мобилизации сил в Сибири и других местах.

Относительно Кавказа и Закаспийского региона силам А. И. Деникина и П. Н. Краснова благодаря открытию выхода к Черному морю должна быть оказана помощь в виде оружия, чтобы перейти в наступление против большевиков. В этом случае воинские силы Великобритании были бы отведены к востоку от Каспия. По мнению Г. Вильсона, были сомнения в возможности поддержания северо-персидских линий связи с Каспием, как только Черное море будет открыто. Поскольку Турция как дружественная страна Великобритании стала бы эффективным барьером экспансии Центральных держав на восток, то цель британского продвижения по направлению к Каспию — защита путей в Индию — была бы достигнута без дополнительных усилий.

В заключение меморандума были сделаны следующие выводы. Необходимо окончательно выполнить внутренние обязательства перед британской армией, имея целью полный вывод войск из Европейской России к тому времени, когда будет подписан мирный договор и образовано сильное русское правительство в Сибири. Также было выражено намерение воспользоваться преимуществом открытия Балтики для обеспечения «наших друзей» военными поставкам и Черного моря, «...чтобы оккупировать такие порты на восточном побережье, которые могут быть необходимы, чтобы протянуть руку помощи тем, кто тяготеет к созданию стабильного русского правительства» [\[25, p. 23; 26, c. 85\]](#).

Содержание документа стало предметом обсуждения на совещании в Форин Офисе 13 ноября 1918 г. По итогу были приняты важные решения: продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска; признать Омскую Директорию фактическим правительством; поддержать уже начатую сибирскую экспедицию и призвать канадцев придерживаться договоренностей, предусмотренных до перемирия; побудить чехов оставаться в Западной Сибири и отправить туда некоторых своих сотрудников; утвердить положение по вопросу о взаимоотношениях французского генерала М. Жанена и английского генерала А. Нокса; приступить к оккупации железной дороги Баку-Батум; установить контакт с А. И. Деникиным в Новороссийске и оказать всю возможную помощь военными материалами; предоставлять балтийским государствам военные материалы в случае, если и когда они имеют правительства, готовые получать и использовать такие материалы; разрешить генералу У. Маршаллу взять в управление Красноводск (современный Туркменбаши, Туркменистан); придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу влияния так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой [\[27, p. 78-79; 28, c. 355\]](#). Следовательно, предложения Г. Вильсона в целом были одобрены Форин Офисом с некоторыми дополнениями.

Через день, 14 ноября 1918 г., на заседании Военного Кабинета Великобритании решения совещания в Форин Офисе были одобрены, и с учетом этого была принята новая, модернизированная британская политика интервенции в России. Однако пункт о разрешении У. Маршаллу взять в управление Красноводск был оставлен на совместное

усмотрение государственного секретаря по военным делам и государственного секретаря по делам Индии [\[27, p. 77; 28, с. 355\]](#).

К декабрю 1918 г. в рамках реализации принятых решений Военного Кабинета вооруженные силы Британии значительно усилили влияние на территории бывшей Российской империи. 16 ноября 1918 г. британская эскадра вошла в Черное море. Через день в Баку прибыл из Персии пятитысячный контингент во главе с У. Томсоном. Железная дорога Баку-Батум была взята под контроль. В декабре 1918 г. британские корабли вошли в гавани стран Прибалтики: Мемель (современная Клайпеда, Литва), Либава (современная Лиепая, Латвия), Рига и Ревель (современный Таллин, Эстония). Российским антибольшевистским силам была оказана существенная финансовая и военно-материальная помощь, в первую очередь силам А. В. Колчака и А. И. Деникина, способным, по мнению британцев, сдерживать большевизм и изменить динамику Гражданской войны. Впоследствии в Сибирь была поставлена техника войскам А. В. Колчака на сумму 14,6 млн фунтов стерлингов. На Юг России А. И. Деникину были предоставлены материалы на сумму 26 млн фунтов стерлингов [\[29, p. 442\]](#).

Таким образом, меморандум начальника Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г. представляется значимым документом для истории британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г. Его автор перечислил цели вмешательства Британии во внутренние российские дела. Это вмешательство объяснялось тем, что Германия могла бы одержать победу в Первой мировой войне и в дальнейшем укрепить свои позиции в мире, используя ресурсы бывшей Российской империи и освободившиеся воинские силы с ликвидированного Восточного фронта для их отправки на другие театры военных действий, в первую очередь на Западный. Эти обстоятельства убеждали британских подданных поддерживать Военный Кабинет и продолжать воевать против немцев. В военное время политика британского вмешательства была оправданной с точки зрения населения страны.

Однако произошло важное событие, заставившее переосмыслить эту политику. 11 ноября 1918 г. было подписано Компьенское перемирие между странами Антанты и Германией. В этой связи вставала проблема целесообразности продолжения вмешательства Великобритании в России, когда для британских жителей и солдат больше не существовало убедительной аргументации за его продолжение. Наряду с этим Военному Кабинету необходимо было решать актуальные вопросы, связанные с ослаблением влияния Германии в России и сдерживанием большевизма в границах контролируемого им государства.

Г. Вильсон проанализировал возникшие проблемы и разные варианты дальнейшего осуществления интервенции. Он предложил вариант, который давал два преимущества: не вызывал сильного протеста со стороны общественности и солдат, а также обеспечивал национальные интересы в Европе и России. Суть его предложений заключалась в разносторонней поддержке новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам.

Эти предложения были восприняты с одобрением совещанием в Форин Офисе и Военным Кабинетом. Они, однако, были детализированы и несколько переработаны с точки зрения решения таких задач, которые позволили бы усилить британское влияние в России. Например, придерживаться Конвенции от 23 декабря 1917 г., по возможности расширяя британскую сферу влияния так, чтобы включить в нее территорию между Доном и Волгой. Как показали последующие события, британская политика интервенции

в ее усовершенствованном виде стала реализовываться незамедлительно. Она стала значимым фактором усиления Гражданской войны в России, когда Белому движению была оказана существенная поддержка.

Меморандум Г. Вильсона является важным, по сути краеугольным камнем выстраивания политики интервенции в ноябре – декабре 1918 г., поскольку именно на его основе был принят документ сначала Форин Офиса 13 ноября, потом, 14 ноября 1918 г., на базе последнего было принято решение Военного Кабинета Великобритании. Некоторые идеи из этого документа: сдерживание России и оказание поддержки пограничным с ней государствам — впоследствии использовались для формирования российского направления как британской, так и европейской и американской политики в XX в. и первые десятилетия XXI в.

Библиография

1. Якушкин Е. Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М., Л.: Госиздат, 1928. 96 с.
2. Минц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М., Л.: Госиздат, 1931. 255 с.
3. Мымрин Г. Е. Англо-американская военная интервенция на Севере и ее разгром (1918–1920 гг.). Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1953. 227 с.
4. Соловьев О. Ф. Подготовка и начало интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 38-53.
5. Лившиц С. Г. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический институт, 1979. 96 с.
6. Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980. 462 с.
7. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 336 с.
8. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Культурная революция, 2013. 560 с.
9. Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
10. Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб: Наука, 2019. 831 с.
11. Цветков В. Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М.: Яуза-Каталог, 2019. 1056 с.
12. Федюк В. П. Белое движение на юге России 1917–1920 гг.: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ярославль, 1995. 572 с.
13. Гагкуев Р. Г. Белое движение и интервенция: к вопросу об оказании союзникам по Антанте помощи Восточному фронту. 1918–1919 гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2023. Т. 41. С. 70-84. DOI: 10.24412/2658-5960-2023-41-70-84.
14. Гагкуев Р. Г. Вопрос участия Британской военной миссии в Сибири в перевороте 18 ноября 1918 г. и прихода к власти адмирала А. В. Колчака // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 44-97. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.002.
15. Голдин В. И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России. М.: Издательство «Кучковополе», 2024. 336 с.
16. Coates W. P., Coates Z. K. Armed Intervention in Russia, 1918–1922. London: Victor Gollancz Ltd., 1935. 400 p.
17. White J. The Siberian Intervention. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1950. 471 p.
18. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961. Vol. 1: Intervention and the War. 360 p.

19. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1968. Vol. 2: Britain and the Russian Civil War. November 1918 – February 1920. 395 p.
20. Bradley J. F. N. Allied Intervention in Russia, 1917–1920. New York: Basic Books, 1968. 251 p.
21. Jackson R. At War with the Bolsheviks: Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London: Tom Stacey, 1972. 280 p.
22. Keeble C. Britain and Soviet Union, 1917–89. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan, 1990. XIV, 387 p.
23. Hudson M. Intervention in Russia, 1918–1920: a Cautionary Tale. Barnsley, South Yorkshire: Pen and Sword, 2004. 224 p.
24. Moffat I. Allied Intervention in Russia, 1918–1920: the Diplomacy of Chaos. London: Palgrave Macmillan, 2015. 317 p.
25. G.T. 6311. Our Present and Future Military Policy in Russia. Memo by C.I.G.S. 13 November, 1918 // The National Archives. CAB 24/70/11. P. 22-23.
26. Миронюк С. А. Борьба с большевизмом как фактор формирования политики интервенции после Компьенского перемирия (по документам Военного Кабинета министров Великобритании ноября – декабря 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 83-88. DOI: 10.17223/19988613/70/12.
27. War Cabinet, 502. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 14 November 1918 // The National Archives. CAB 23/8/23. P. 75-79.
28. Миронюк С. А. Британская политика интервенции в России (ноябрь 1917 г. – декабрь 1919 г.) как фактор Гражданской войны: этапы и особенности // Исторический вестник. 2024. Т. 47. С. 318-381. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.010.
29. G.T. 7947A. Policy towards Russia. Second Draft. Memorandum by Curzon of Kedleston. 16 August 1919 // The National Archives. CAB 24/86/50. P. 439-442

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Меморандум Генри Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» (13 ноября 1918 г.) как фактор британской политики интервенции в России в ноябре – декабре 1918 г.» посвящен теме британского вмешательства в российскую гражданскую войну; конкретно же рассматривается Меморандум главы Имперского Генерального штаба Г. Вильсона «Наша текущая и будущая военная политика в России» от 13 ноября 1918 г как основополагающий по мнению автор документ при формировании британской политики в отношении Советской России и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи. Автор полагает, что рассмотрение данного документа ценно не только в контексте рассмотрения иностранной интервенции в годы Гражданской войны, но и в более широком контексте динамики взаимоотношений России с ведущими государствами Европы, Азии и Америки. Статья открывается историографическим обзором, по итогам которого указывается на необходимость введения в широкий научный документов Военного Кабинета Великобритании, поскольку в них отражены процессы, влиявшие на появление идеи, подготовку, реализацию и завершение политики вмешательства с ноября 1917 г. по декабрь 1922 г. К числу документов относится и анализируемый в данном исследовании Меморандум Генри Вильсона. Автор использует ретроспективный, системный и

нарративный методы исторических исследований. Автор указывает на взаимосвязь международной обстановки (а именно подписание подписанием Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. и прекращение Первой мировой войны) и содержания Меморандума, а именно на вынужденную коррекцию целей и средств интервенции в связи с поражением Германии. Меморандум Вильсона представляет собой развернутый военно-политический анализ задач Британской империи на территории бывшей Российской империи в условиях завершения Первой мировой войны и эскалации Гражданской войны в России. Автор подробно разбирает Меморандум в части новых задач Британии в трактовке Вильсона (сдержать распространение большевизма и предотвратить получение Германией преобладающего влияния в русских делах после войны) и способов их реализации, включая аргументацию Вильсона в пользу каждого из трех вариантов развития событий. Автор указывает, что «14 ноября 1918 г., на заседании Военного Кабинета Великобритании решения совещания в Форин Офисе были одобрены, и с учетом этого была принята новая, модернизированная британская политика интервенции в России», то есть Меморандум Вильсона стал основой британской политики интервенции в ее усовершенствованном виде, которая в свою очередь... "стала значимым фактором усиления Гражданской войны в России, когда Белому движению была оказана существенная поддержка". В итоге автор приходит к обоснованным выводам о том что в связи с прекращением Первой мировой войны перед британским военно-политическим руководством вставала «проблема целесообразности продолжения вмешательства Великобритании в России, когда для британских жителей и солдат больше не существовало убедительной аргументации за его продолжение. Наряду с этим Военному Кабинету необходимо было решать актуальные вопросы, связанные с ослаблением влияния Германии в России и сдерживанием большевизма в границах контролируемого им государства... В Меморандуме Вильсона был предложен «вариант, который давал два преимущества: не вызывал сильного протеста со стороны общественности и солдат, а также обеспечивал национальные интересы в Европе и России. Суть его предложений заключалась в разносторонней поддержке новообразованным государствам на территории бывшей Российской империи и российским антибольшевистским силам». Автор также указывает, что «некоторые идеи из этого документа: сдерживание России и оказание поддержки пограничным с ней государствам — впоследствии использовались для формирования российского направления как британской, так и европейской и американской политики в XX в. и первые десятилетия XXI в.», что придает данному исследованию несомненную актуальность. К числу недочетов данного исследования можно отнести ограниченность обращения к англо-американской историографии (в основном это работы 1950—1970-ых гг.) В целом работа выполнена на должном научно-методическом уровне и рекомендуется к публикации.